

ХАРУКИ МУРАКАМИ

ХАРУКИ МУРАКАМИ

Край обетованный

МОСКВА
2019

УДК 821.521-3
ББК 84(5Япо)-44
М91

Haruki Murakami

YAKUSOKU-SARETA BASHO-DE
(ANDAGURAUNDO 2)

Copyright © 1997, 1998 by Haruki Murakami

Перевод с японского
Андрея Замилова и Сергея Логачева

Серия «Pocket book»
Оформление *А. Саукова*

Фото на обложке:
Galyna Andrushko / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Серия «Мураками-мания»
Разработка серийного оформления *А. Старикова*

Мураками, Харуки.

М91 **Край обетованный / Харуки Мураками ; [пер. с яп. А. Замилова, С. Логачева]. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.**

ISBN 978-5-699-96199-3 (Pocket book)

ISBN 978-5-699-96195-5 (Мураками-мания)

Все мы хотим разобраться в том, зачем рождаемся, живем на Земле, а потом умираем и исчезаем. И не следует особенно осуждать искреннее стремление найти ответы на эти вопросы. Тем не менее как раз здесь и можно «нажать не ту кнопку», сделать роковую ошибку. Реальность начинает искажаться, и ты вдруг замечаешь, что край обетованный превратился в нечто иное...

«Край обетованный» — пожалуй, самая острая и спорная книга выдающегося японского писателя Харуки Мураками, исследующая природу зла в современном мире.

УДК 821.521-3
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-699-96199-3
ISBN 978-5-699-96195-5

© А. Замилов, перевод на русский язык, 2019
© С. Логачев, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Марк Стрэнд*¹

СТАРИК ПРОСНУЛСЯ ПРИ СМЕРТИ

Вот край обетованный,
Обещанный мне, когда я засыпал,
А когда проснулся, его отобрали.

Вот край, неведомый никому,
Здесь имена кораблей и звезд
Уплывают из-под пальцев.

Горы — уже не горы,
Солнце — не солнце.
Забываешь, как все было прежде.

Я вижу себя, вижу
Берег тьмы у себя на челе.
Некогда я был невредим, молод был...

Будто бы уже не все равно,
И вы меня слышите,
А погоды в этом краю когда-нибудь не станет.

Перевод М. Немцова

¹ Марк Стрэнд (р. 1934) — американский поэт канадского происхождения. — *Здесь и далее прим. переводчиков, кроме отмеченных особо.*

Предисловие

В марте 1997 года (ровно два года спустя после зариновой атаки в токийском метро) вышла моя книга «Подземка», где собраны свидетельства потерпевших и родственников тех, кто погиб в результате этой акции. Как я уже писал тогда в предисловии, взяться за эту книгу меня побудило прежде всего то, что до народа не довели — или довели в крайне усеченном виде и притом почти одними и теми же словами, позаимствованными из формального языка, — конкретные факты и обстоятельства, имеющие отношение к самым обыкновенным людям, пострадавшим тогда в метро. По крайней мере, я искренне так думал.

Как писателю, мне хотелось понять, что это такое — когда человек едет утром в переполненном метро, и вдруг без всякого предупреждения вагон наполняется отравляющим газом — заринном, — и какие изменения произошли (или не произошли) в жизни и сознании людей, оказавшихся в том самом вагоне. Я думал, что мы, «граждане» (хотя в последнее время, пожалуй,

Предисловие

слово это немного обесценилось), должны представлять это более отчетливо. Не просто знать, а ощутить реально, кожей, принять как скорбь, терзающую душу. Без этого связанного с нашим повседневным существованием исходного пункта, считал я, нам не охватить в полном объеме перспективу случившегося, не осознать, что для нас значила зариновая атака в подzemке и чем была секта «Аум Синрикё».

Мною двигало отнюдь не навязчивое желание встать на сторону «правой стороны», то есть пострадавших, и заклеить «неправую сторону» — а именно, виновников совершенного преступления. Я также не добивался социальной справедливости. Конечно же, книги, четко ставящие такие цели, очевидно, тоже нужны людям, но я лично стремился не к этому. Свою задачу я видел в другом: дать читателю — да и самому себе — «материал», необходимый для того, чтобы представить не какую-то одну точку зрения, а взгляды сразу многих людей. В принципе, к тому же самому я стремлюсь, когда пишу свои романы.

По правде сказать, работая над «Подземкой», я твердо решил не заниматься сбором информации об «Аум Синрикё». Установил для себя такое правило. Я мало что знал о секте (дело в том, что время, когда о деяниях «Аум Синрикё» больше всего сообщали в СМИ, я провел в США и был как бы отгорожен от информации москитной сет-

кой) и потому стремился отбирать материал для книги, по возможности оставляя эту страницу чистой. Иными словами, хотелось, насколько возможно, поставить себя на место тех, кто пострадал в тот день — 20 марта 1995 года. В положение людей, которые, ни о чем не подозревая, получили смертельный удар непонятно от кого. Поэтому я намеренно не включил в «Подземку» точку зрения «Аум Синрикё», опасаясь, что взгляды членов секты или ее сторонников не получат четкого изложения, поблекнут и расплывутся. Тогда мне хотелось одного — избежать позиции «и нашим, и вашим», не создать у читателя впечатления, будто автор «с пониманием относится к этой стороне, но в то же время в какой-то мере понимает и другую».

Тем самым я навлек на себя обвинения в «одностороннем подходе», хотя намеренно с самого начала взял за точку отсчета правило: съемочная камера должна быть установлена в одном месте, — и критика в мой адрес не вызвала полезной полемики о книге. Я стремился написать книгу, очень близкую духу людей, которых я опрашивал (конечно, это не то же самое, что занять их сторону), зафиксировать на бумаге — насколько можно живо — чувства и переживания, которые они в те минуты испытывали. Я считал: такое выполнение поставленной мной на том этапе задачи — моя обязанность как литератора, писателя. При этом я отнюдь не выбра-

Предисловие

сывал из головы религиозного и общественного значения — как в положительных, так и отрицательных аспектах, — которое имеет такое явление, как «Аум Синрикё».

Но работа была закончена, книга вышла, волнение улеглось, все успокоилось, и меня самого постепенно стал все больше волновать вопрос: «Что же такое «Аум Синрикё»?» Чтобы исправить определенный информационный дисбаланс, я сосредоточился на сборе свидетельств пострадавших, но когда эта работа была выполнена, меня начали обуревать сомнения, насколько точную информацию об «Аум Синрикё» мы получаем.

В «Подземке» секта «Аум Синрикё» предстает как неопределенная угроза — некий «черный ящик», — жестоко и внезапно вторгающаяся в повседневную жизнь. И я решил попытаться и приоткрыть этот «черный ящик», посчитав, что, сопоставив его содержимое с перспективой, предложенной в «Подземке», или, иными словами, проанализировав их разнородность и однородность, может быть, удастся достичь большей глубины в понимании того, что произошло.

Всерьез заняться «Аум Синрикё» я решил еще и потому, что меня не покидало острое ощущение, будто «сам по себе этот случай не решит в итоге ни одной из основных проблем, вызвавших его». В Японии отсутствует нормальная и эффективная страховочная подсистема, которая

в состоянии принимать людей (особенно молодежь), оторвавшихся от главной системы — японского общества, и после трагедии в токийской подземке в этом отношении ничего не изменилось. Организация «Аум Синрикё» сокрушена, но до тех пор, пока в нашем обществе существует такой серьезный системный недостаток — своего рода «черная дыра», — похожая, засасывающая в себя людей, структура — подобие «Аум Синрикё» — может когда-нибудь возникнуть вновь, и тогда нельзя будет исключать повторения того, что произошло 20 марта 1995 года. Тревога за это не оставляла меня уже тогда, когда я только начинал собирать материал для этой книги, и сейчас, когда работа над ней закончена, меня это беспокоит еще сильнее (разве нельзя, к примеру, цепочку каких-нибудь «острых» инцидентов с участием школьников воспринять как составную часть ситуации, сложившейся в обществе после, с «Аум Синрикё»?).

Поэтому я сделал вывод, что мне ничего не остается, как, зафиксировав мысли и чувства членов (или бывших членов) «Аум Синрикё», представить их читателю в той же форме, что была написана «Подземка». Так можно будет добиться более глубокого и правильно выстроенного баланса «справедливых сомнений», которые я испытывал с самого начала. Вот к какому заключению я пришел.

Предисловие

Выяснилось, однако, что отбор членов (бывших членов) «Аум Синрикё» для моих интервью — совсем не то, что работа с пострадавшими от зариновой атаки, и дело вовсе не простое. Встал вопрос: по какому критерию вести этот отбор? Возникли также сомнения в некоторой степени фундаментального характера, а именно: кого можно назвать «типичным последователем «Аум Синрикё»» и кто в состоянии судить о том, подходит тот или иной человек под это определение или нет. Были также опасения, не станут ли в конечном итоге неприукрашенные рассказы сектантов — если таких людей удастся отыскать — чем-то вроде религиозной пропаганды. Получится ли что-нибудь из этих рассказов?

Но сколько я ни задумывался над этими вопросами, ответа на них найти не мог. Поэтому для начала решил попробовать взять интервью у нескольких человек, а потом все обдумать еще раз. Впрочем, сказать по правде, такую же авантюрную тактику я применял и когда беседовал с пострадавшими от «Аум Синрикё».

Поиск членов (или бывших членов) «Аум Синрикё», которые изъявили бы желание ответить на мои вопросы, шел по линии редакции журнала «Бунгэй сундзю». Интервью в принципе проходили в том же стиле, что использовался мной в «Подземке». Я старался разговаривать человека, добиться, чтобы беседа шла как можно дольше. В ответ на мои вопросы интервьюируемый гово-

рил только то, что хотел. Разговор обычно продолжался три-четыре часа.

Записанное на пленку интервью я переносил на бумагу и отдавал на сверку. Чтобы сохранить своеобразие и естественность речи, я старался вносить в интервью как можно меньше правки, но все-таки корректировал те места, где были какие-то неточности, или менял выражения, которые могли быть неверно истолкованы. Вычеркивал, если говорили: «Что-то здесь плоховато получилось», добавлял, когда слышал: «Это важно. Просто я забыл об этом сказать». И только получив согласие («Теперь все в порядке»), сдавал текст в набор. Я предпочитал, чтобы интервьюируемые по возможности выступали под настоящими именами, хотя псевдонимы тоже принимались, если возникало такое желание. Вымышленное имя или настоящее — в тексте это не указывалось. Все это я подробно объяснял людям, когда предлагал им дать интервью.

Обычно я не проверял достоверность того, что мне рассказывали. Исключение составляли случаи, когда рассказы вступали в очевидное противоречие с известными фактами. Может, такой подход и вызовет возражения, но такова моя работа — выслушать людей и изложить сказанное в как можно более доступной форме. Пусть в книге встречаются кое-какие несоответствия (хотя память — вещь неустойчивая, и теоретически это всего лишь индивидуальная трактовка со-

бытий), но «коллективная история», родившаяся из рассказов отдельных людей, очень правдива и достоверна. В ней есть то, что мы, писатели, остро переживаем изо дня в день. Вот что я имею в виду, считая, что это была работа для писателя.

Впрочем, не следует думать, что рассказы пострадавших от атаки «Аум Синрикё», включенные в «Подземку», и беседы с людьми, связанными с сектой, совершенно одинаковы по содержанию и форме. Самое большое различие между ними в том, что в интервью со второй группой я нередко вставлял собственные мысли, иногда высказывал сомнения, вступал в полемику. Если в «Подземке» я старался по мере возможности оставаться в тени, чтобы максимально избавить текст от своего присутствия, то на этот раз — по сравнению с прошлой книгой — у меня было намерение занять чуть более активную позицию. Я посчитал это необходимым, хотя слишком выставлять себя не хотел. Дело в том, что подчас люди, с которыми мне довелось разговаривать, пускались в догматические рассуждения. Оставлять их в таком виде — значило нарушить баланс беседы и было бы явной несуразицей. В этом состоит главное отличие от интервью с пострадавшими.

Хочу сделать одну оговорку. Я не специалист в вопросах религии и не социолог. И отнюдь не считаю себя хорошо осведомленным в этих делах. Я простой, не очень образованный писа-

тель (то, что это не показная скромность, уже могут подтвердить многие). Мои познания в религии можно сравнить с едва отросшим ежиком волос на бритой голове. Поэтому я понимал, что у меня, скорее всего, мало шансов на победу, если я ввяжусь в поединок в тесных рамках ученого диспута со стойкими оппонентами, знающими религию не на словах. Скажу честно: у меня были такие опасения, когда я приступал к сбору материала о людях из «Аум Синрикё». И все же я решил: будь что будет. Если что-то будет непонятно, так и скажу. Если подумаю, что какие-то рассуждения слишком мудрены, буду говорить: «Тут есть определенная логика, но обычным людям в ней не разобраться». Ничего другого не оставалось. Так я и делал. Говорю это не для того, чтобы оправдаться или показать себя. Чем легковесно жонглировать специальными терминами и поддакивать: «Вот-вот. Вы правы», я предпочитал углубляться в предмет разговора, начиная с самых элементарных, основных вещей и останавливая собеседника, чтобы потребовать пояснений. Мне казалось, что так беседа получится более завершенной.

Кроме того, обмениваясь с собеседниками взглядами на самые обыкновенные вещи, мы стали достаточно хорошо понимать, что хотим сказать друг другу, и в целом я уяснил для себя их образ мыслей (согласен я с ним или нет — совершенно другой вопрос). По крайней мере, для

Предисловие

подобных интервью этого вполне достаточно. Детальный анализ психологии собеседника, замечания по поводу моральной и логической обоснованности его позиции не являются непосредственной целью моей работы. Более подробным изучением религиозных вопросов, определением их социального значения пусть занимаются специалисты. С этим все ясно. Я же пытаюсь представить здесь другое — образ *этих людей* с позиции человека, который общался с ними лицом к лицу.

В то же время, беседуя с этими людьми с глазу на глаз, нельзя было не ощутить совершенно очевидного сходства между писательским трудом и их религиозными порывами. В самом деле, здесь чрезвычайно много общего. В этом нет никаких сомнений. Хотя, наверное, нельзя утверждать, что эти две сферы имеют одни и те же корни. Ведь кроме общего у них есть и решающие отличия. В процессе разговора эти люди вызывали у меня личный интерес, а подчас — и что-то вроде раздражения.

Как бы то ни было, возникает ощущение, что, возможно, именно в силу наличия у меня такой точки зрения я — человек, не имеющий специальных знаний о религии, — мог в зависимости от обстоятельств либо охотно соглашаться с тем, что мне говорят, либо категорически отвергать. Возьму на себя смелость добавить, что в конечном итоге в этих интервью далеко не последнюю